

DOI: 10.25178/nit.2026.1.24

Статья

Тибетский буддизм и культ Чингисхана как цивилизационные факторы монгольской политики и российско-монгольского межкультурного диалога

Александр С. Железняков, Святослав В. Никифоров

Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук; Институт Китая и современной Азии Российской академии наук, Российская Федерация

В статье представлено сравнительное исследование малоизученных аспектов влияния конфессионального фактора на внутреннюю и внешнюю политику Монголии, в частности на развитие межкультурного и межгосударственного диалога с Россией. Теоретико-методологической основой работы является полипарадигмальный подход цивилизационной политологии, развивающих инструментарий основоположников цивилизационного подхода (А. Тойнби, О. Шпенглера, Н. Я. Данилевского).

Дается оценка конфессиональному фактору как в цивилизационных, так и политических процессах современной Монголии. Показывается его роль в развитии российско-монгольского диалога, связь с тибетским буддизмом, являющимся доминирующим религиозным течением в современной Монголии. Исследуется, как конфессиональный субстрат встроен в цивилизационную идентичность монголов и как влияет на ход российско-монгольского межкультурного взаимодействия.

Авторы приходят к выводу, что буддизм, шаманизм и культ Чингисхана формируют многогранный конфессиональный субстрат современной монгольской цивилизации. Он является важным фактором не только цивилизационной идентичности современных монголов и близких им в этнокультурном плане народов, но также и политики современного монгольского государства, как внутренней, так и внешней.

Ключевые слова: Монголия; цивилизационная политология; монгольская цивилизация; постсекулярность; буддизм Монголии; культ Чингисхана; конфессиональный фактор

Исследование проведено в рамках гранта РФФИ «Традиционный буддизм, постсекулярность и современные общественно-политические процессы в России и Монголии», № 24-48-03022, <https://rscf.ru/project/24-48-03022/>.

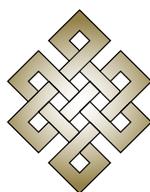
Для цитирования:

Железняков А. С., Никифоров С. В. Тибетский буддизм и культ Чингисхана как цивилизационные факторы монгольской политики и российско-монгольского межкультурного диалога // Новые исследования Тувы. 2026. № 1. С. 435-451. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2026.1.24>

Железняков Александр Сергеевич — доктор политических наук, главный научный сотрудник, руководитель Центра цивилизационных и сравнительных политических исследований Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук; главный научный сотрудник, руководитель сектора монгольских исследований Института Китая и современной Азии Российской академии наук. Адреса: 117218, Россия, г. Москва, улица Кржижановского, д. 24/35, корп. 5; Россия, г. Москва 117997, Нахимовский пр-т, д. 32. Эл. адрес: zhelezniakovas@yahoo.com

Никифоров Святослав Вадимович — кандидат педагогических наук, кандидат юридических наук, старший научный сотрудник, ученый секретарь Центра цивилизационных и сравнительных политических исследований Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук; старший научный сотрудник сектора монгольских исследований Института Китая и современной Азии Российской академии наук. Адреса: 117218, Россия, г. Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5; Россия, г. Москва 117997, Нахимовский пр-т, д. 32. Эл. адрес: ursus-arktos@yandex.ru

Article

Tibetan Buddhism and the Cult of Genghis Khan as Civilizational Factors in Mongolian Politics and the Russian Mongolian Intercivilizational Dialogue

Aleksandr S. Zheleznyakov, Svyatoslav V. Nikiforov

*Institute of Sociology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences;
Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences, Russian Federation*

The article presents a comparative study of the little-explored aspects of the influence of the confessional factor on the domestic and foreign policy of Mongolia, on the development of intercivilizational and interstate dialogue with Russia. The theoretical and methodological basis of the work is the multiparadigmatic approach of civilizational political science, which develops the toolkit of the founders of the civilizational approach (A. Toynbee, O. Spengler, N. Ya. Danilevsky).

An assessment is given of the confessional factor in both the civilizational and political processes of contemporary Mongolia. Its role in the development of the Russian Mongolian dialogue is shown, as well as its connection with Tibetan Buddhism, which is the dominant religious trend in contemporary Mongolia. The study examines how the confessional substratum is embedded in the civilizational identity of the Mongols and how it influences the course of Russian Mongolian intercivilizational interaction.

The authors conclude that Buddhism, shamanism, and the cult of Genghis Khan shape the multifaceted confessional substratum of contemporary Mongolian civilization. It is an important factor not only in the civilizational identity of contemporary Mongols and ethnoculturally related peoples, but also in the policy of the contemporary Mongolian state, both domestic and foreign.

Keywords: *Mongolia; civilizational political science; Mongolian civilization; post-secularity; Buddhism of Mongolia; cult of Genghis Khan; confessional factor*

Financing

The study was conducted within the framework of the RSF "Traditional Buddhism, Post-Secularity and Modern Socio-Political Processes in Russia and Mongolia", № 24-48-03022, <https://rscf.ru/project/24-48-03022/>.

For citation:

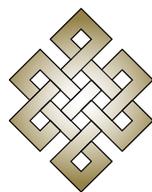
Zheleznyakov A. S. and Nikiforov S. V. Tibetan Buddhism and the Cult of Genghis Khan as Civilizational Factors in Mongolian Politics and the Russian Mongolian Intercivilizational Dialogue. *New Research of Tuva*, 2026, no. 1, pp. 435-451 (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2026.1.24>

ZHELEZNIKOV, Alexander Sergeevich, Doctor of Political Sciences, Chief Research Fellow, Head, Center for Civilizational and Comparative Political Studies, Institute of Sociology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences; Chief Research Fellow, Head, Mongolian Studies Section, Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences. Postal address: 24/35, bldg. 5, Krzhizhanovskogo St., Moscow, 117218, Russia; 32, Nakhimovskiy Av., Moscow, 117997, Russia. Email: zhelezniakovas@yahoo.com

ORCID: 0000-0002-6477-6161

NIKIFOROV, Svyatoslav Vadimovich, Candidate of Pedagogical Sciences, Candidate of Law Sciences, Senior Research Fellow, Academic Secretary, Center for Civilizational and Comparative Political Studies, Institute of Sociology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences; Senior Research Fellow, Mongolian Studies Section, Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences. Postal address: 24/35, bldg. 5, Krzhizhanovskogo St., Moscow, 117218, Russia; 32, Nakhimovskiy Av., Moscow, 117997, Russia. Email: ursus-arktos@yandex.ru

Введение

Современная Монголия является одним из характерных примеров постсекулярного общества. После демократической революции 1990 г. конфессиональный фактор стал играть в жизни монгольских граждан значительное большую силу, чем в период социалистического развития государства. Однако в современной науке остаются неразрешенными вопросы. Насколько сильно конфессиональный фактор связан исключительно с тибетским буддизмом, являющимся доминирующим религиозным течением в современной Монголии? Сохранил ли какое-то влияние на жизнь монгольского общества и политики шаманизм спустя прошедшие столетия после обращения монголов в буддизм в XVI–XVII вв.? Насколько значим культ Чингисхана, основателя монгольского государства в современном монгольском обществе? Какое влияние буддизм, шаманизм и культ Чингисхана оказывают на современную внутреннюю и внешнюю политику Монголии? Является ли конфессиональный фактор источником политических процессов, или их объектом? Как встроены конфессиональный субстрат в цивилизационную идентичность монголов и как влияет на ход российско-монгольского межцивилизационного взаимодействия?

Политико-социальная актуальность исследования в условиях развития отношений России с западными государствами обуславливается необходимостью получения объективных знаний для интенсификации российско-монгольского взаимодействия, понимания того, как глубинные пласты цивилизационной идентичности — тибетский буддизм, шаманизм и синкретический культ Чингисхана — влияют на современные политические процессы, внутреннюю и внешнюю политику Монголии, а также на её диалог с ключевыми партнерами, в первую очередь с Россией.

Научная актуальность определяется наличием пробелов в теоретическом знании: при значительной изученности этнокультурной и религиозной идентичности монголов, системное влияние конфессионального фактора (в частности, как элемента фактора цивилизационного) на политику и межгосударственные отношения, в особенности на российско-монгольское межгосударственное взаимодействие, остается недостаточно освещенным в науке.

Данное исследование является междисциплинарным и находится на стыке политологии, культурологии, религиоведения, социологии и истории, поскольку использует инструментарий полипарадигмальной цивилизационной политологии и рассматривает вопросы цивилизационного плана, которые в силу своей природы, являются сложными социо-культурными явлениями и «предполагают» междисциплинарный характер, изучающих их научных исследований. Однако ключевым вектором является срез политических отношений и их связь с цивилизационными процессами.

Целью исследования является выявление в рамках комплексного анализа степени влияния конфессионального фактора (тибетского буддизма, шаманизма и культа Чингисхана) на внутреннюю и внешнюю политику Монголии, на развитие российско-монгольского межцивилизационного диалога в условиях постсекулярного общества, а также ту роль, которую отводят ему монгольские политические акторы, стремясь использовать его в процессе конструирования цивилизационной и национальной идентичности.

Для достижения поставленной цели в работе последовательно решаются следующие задачи: проанализировать на основе имеющихся статистических показателей и вторичных проанализированных экспертами данных конфессиональный ландшафт современной Монголии, выявив его специфику, основные тенденции развития; раскрыть роль и эволюцию буддийского фактора в политической жизни Монголии, включая его закрепление в ключевых политико-правовых актах страны, отношение к нему со стороны политической элиты Монголии; исследовать культ Чингисхана как ключевой политической и цивилизационный феномен, определяющий национальную идентичность современных монголов и оказывающий влияние на межгосударственные отношения в цивилизационном регионе Центральной Евразии¹; выявить конкретные проявления конфессионального фактора в сфере политического взаимодействия России и Монголии, в частности, на примере трансграничных религиозных связей (буддизм, шаманизм) и их роли в формировании общего цивилизационного пространства.

¹ Вводимый нами термин для обозначения данного цивилизационного региона охватывает исторические пространства Большой России, Большой Монголии и Большого Китая, общее русско-монголо-китайское цивилизационное пространство (см. подробнее: Железняков, 2024).

Теоретическо-методологической основой исследования является полипарадигмальный подход цивилизационной политологии. В его рамках применяется стереоскопический метод рассмотрения политических и цивилизационных процессов, разделяющий политическое и цивилизационное пространство. Её инструментарий включает в себя теоретическое наследие основоположников цивилизационного подхода (Тойнби, 1991; Шпенглер, 1993; Данилевский, 2003), в частности, концепцию «Ответа-на-Вызов» А. Тойнби (Тойнби, 1991), которая в контексте данного исследования применяется для анализа роли Монгольской империи и фигуры Чингисхана в становлении цивилизационного пространства Центральной Евразии. Также используются элементы институционального анализа для изучения роли религиозных организаций и политических акторов в контексте взаимодействия с конфессиональным фактором, сравнительный правовой и дискурс-анализ для работы с политико-правовыми документами и высказываниями монгольских религиозных и политических деятелей.

Объектами исследования выступают внутренняя и внешняя политика Монголии, российско-монгольские межгосударственные отношения, цивилизационные процессы в Монголии и Центральной Евразии; предметом исследования — влияние конфессионального фактора (тибетский буддизм, культ Чингисхана, шаманизм) на современную внутреннюю и внешнюю политику Монголии и на российско-монгольский междивизиационный диалог.

Хронологические и пространственные рамки исследования. Исследование охватывает период с 1990 г. по настоящее время, то есть эпоху постсоциалистического развития Монголии, характеризующуюся «буддийским возрождением» и построением «демократического общества». Для анализа исторических предпосылок и цивилизационных основ современного положения конфессионального фактора в жизни Монголии привлекаются данные более ранних периодов (XIII — начало XX в.). Географически исследование фокусируется на территории современной Монголии, а также затрагивает некоторые регионы России (Бурятия, Тува, Калмыкия, Забайкальский край), выступающие форпостами русской и монгольской цивилизаций одновременно.

Источниковая база исследования комплексна и может быть разделена на несколько групп. Авторами используются статистические данные, полученные из открытых источников — официальных интернет-ресурсов Монголии, политико-правовые акты монгольского государства (Закон «Об отношениях религии и государства»¹, Концепция национальной безопасности Монголии², указы и публичные выступления президентов и премьер-министров Монголии и т. д.). Также была использована научная литература: труды российских и зарубежных исследователей, посвященные религии, политике и истории Монголии (Актамов, Цэцэнбилег, 2025; Романова и др.; Сабиров, 2020; Elverskog, 2006; и др.), классические работы по цивилизационной теории и т. д. Помимо прочего также нами были изучены сообщения в СМИ Монголии, России, США³, затрагивающие проблематику исследования.

Конфессиональный ландшафт современной Монголии

Исследователями традиционно отмечается высокий уровень разработанности проблематики монгольской этнической и цивилизационной идентичности, взаимосвязи их с мировоззрением и религиозностью монголов, однако недостаточность и фрагментарность научных работ, посвященных роли конфессионального фактора в монгольской политике и российско-монгольском диалоге. Например, И. В. Романова и ее коллеги отмечают, что исследователями были «созданы устойчивые традиции в определении исторических типов монгольской ментальности и мировоззрения, особенностей традиционного образа мировосприятия» (Романова и др., 2015: 126), которые «изучаются ими с точки зрения выявления исторических закономерностей и особенностей политического и культурного развития монгольских народов, современного нациестроительства и этнополитической идеологии...» (там же: 126).

¹ Төр, сүм хийдийн харилцааны тухай [Закон «Об отношениях религии и государства»] [Электронный ресурс] // Legalinfo.mn. URL: <https://legalinfo.mn/mn/detail/485> (дата обращения: 10.11.2025). (На монг. яз.).

² Монгол улсын үндэсний аюулгүй байдлын үзэл баримтлал [Концепция национальной безопасности Монголии] [Электронный ресурс] // Legalinfo.mn. URL: <https://legalinfo.mn/mn/detail?lawId=208070> (дата обращения: 10.11.2025). (На монг. яз.).

³ Sonin.mn. Главная страница [Электронный ресурс] // Sonin.mn. URL: <https://www.sonin.mn/> (дата обращения: 10.11.2025); ТАСС. Главная страница [Электронный ресурс] // ТАСС. URL: <https://tass.ru/> (дата обращения: 10.11.2025); The New York Times [Электронный ресурс] // The New York Times. URL: <https://www.nytimes.com> (дата обращения: 10.11.2025); и др.

В то же время, как верно отмечают они же, анализ существующих исследований показывает: несмотря на значительную изученность вопроса этнокультурной идентичности монгольских народов и особенностей их религиозного мировоззрения, в научной литературе сохраняются пробелы. Недостаточно исследованным, например, остается систематическое влияние современного политического и религиозного мифотворчества на процессы этнической идентификации в Монголии. В частности, практически не изучена роль таких феноменов, как культ Чингисхана или новые религиозные нарративы, в формировании идеологических основ современного нациестроительства (Романова и др., 2015).

Рис. 1. Процентная доля верующего населения Монголии старше 15 лет, распределенная по конфессиональной принадлежности. Данные 2020 года¹.
 Fig. 1. Percentage of the religious population of Mongolia over the age of 15, distributed by religious affiliation. Data from 2020 .

По данным переписи населения и жилищного фонда Монголии 2020 г., 59,4% населения в возрасте 15 лет и старше были религиозными, а 40,6% — нерелигиозными. 87,1% верующих — буддисты (рис. 1). Несмотря на то, что буддизм является самой распространённой религией, большинство молодёжи среди верующих в возрасте 15–19 лет — христиане и мусульмане². Как правило, доля монгольских граждан, исповедующих буддизм, значительно увеличивается с возрастом. Так 82,3% всех верующих в возрасте 15–19 лет являются буддистами, в то время как среди людей в возрасте 50–59 лет их число составляет 90,8%, среди людей в возрасте 60–69 лет — 91,6%, а среди людей в возрасте 70 лет и старше — 93,6%³.

Есть различия и среди этнических групп. Нет ничего удивительного в том, что большинство верующих представителей титульной нации (халха-монголов) являются буддистами: 92,7% (рис. 2), однако можно выделить ряд особенностей заметных на примере других этнических групп, которые могут быть не столь очевидны. Например, 84,7% монгольских казахов верующие, 81,9% — мусульмане (почти 97% из числа всех верующих монгольских казахов)⁴.

¹ 2020 POPULATION AND HOUSING CENSUS OF MONGOLIA /summary/ [Электронный ресурс] // National Statistics Office of Mongolia [Национальное статистическое управление Монголии]. URL: https://www.nso.mn/uploads/Census2020_Mongolia_Eng.pdf (дата обращения: 10.11.2025). (На монг. яз.).

² Там же.

³ ХҮН АМ ОРОН СУУЦНЫ 2020 ОНЫ ЭЭЛЖИТ ТООЛЛОГО НЭГДСЭН ДҮН [Данные переписи населения Монголии 2020 г. Версия итогов переписи на монгольском языке] [Электронный ресурс] // National Statistics Office of Mongolia [Национальное статистическое управление Монголии]. URL: <https://www.nso.mn/uploads/1616994519422.pdf> (дата обращения: 10.11.2025). (На монг. яз.).

⁴ Там же.

Этнические группы	Граждане от 15 лет и старше - Всего	Неверующие	Верующие	Конфессиональные группы среди верующего населения					
				Всего	Буддизм	Христианство	Ислам	Шаманизм	Другие
ВСЕГО	100.0	40.6	59.4	100.0	87.1	2.2	5.4	4.2	1.1
ВСЕГО СРЕДИ ГРАЖДАН МОНГОЛИИ	100.0	40.5	59.5	100.0	87.1	2.2	5.4	4.2	1.1
Халха-монголы	100.0	41.3	58.7	100.0	92.7	2.3	0.1	4.0	0.9
Казахи	100.0	15.3	84.7	100.0	1.3	0.3	96.7	0.1	1.6
Дербеты	100.0	42.3	57.7	100.0	92.8	2.0	0.2	2.9	2.1
Баяты	100.0	40.7	59.3	100.0	93.3	1.5	0.2	2.9	2.1
Буряты	100.0	49.2	50.8	100.0	74.5	3.5	0.1	19.8	2.1
Захчины	100.0	46.0	54.0	100.0	93.2	3.1	0.1	2.3	1.3
Дариганга	100.0	34.5	65.5	100.0	96.6	0.8	-	2.1	0.5
Урянхайцы	100.0	41.3	58.7	100.0	89.9	2.9	0.5	3.9	2.8
Дархаты	100.0	61.2	38.8	100.0	62.2	1.5	-	35.6	0.7
Олёты	100.0	40.0	60.0	100.0	91.2	2.6	-	5.4	0.8
Хотогойты	100.0	26.7	73.3	100.0	96.3	0.6	-	3.0	0.1
Торгуты	100.0	36.8	63.2	100.0	92.8	2.4	0.6	3.2	1.0
Хотоны	100.0	36.7	63.3	100.0	40.9	4.7	42.5	1.7	10.2
Мянгаты	100.0	47.8	52.2	100.0	93.1	1.1	-	2.9	2.9
Тувинцы	100.0	48.8	51.2	100.0	44.6	1.2	-	52.6	1.6
Баргуты	100.0	58.6	41.4	100.0	94.7	1.3	-	2.7	1.3
Узумчины	100.0	51.2	48.8	100.0	98.1	-	-	1.0	0.9
Элджигины	100.0	40.7	59.3	100.0	87.7	-	-	12.0	0.3
Сартулы	100.0	31.0	69.0	100.0	78.7	2.5	8.8	7.5	2.5
Хамниганы	100.0	29.4	70.6	100.0	83.3	-	-	16.7	-
Цаатаны (духа)	100.0	31.6	68.4	100.0	11.5	-	-	88.5	-
Узбеки (чантуу)	100.0	11.1	88.9	100.0	-	-	100.0	-	-
Харачины	100.0	50.0	50.0	100.0	100.0	-	-	-	-
Хошуты	100.0	10.7	89.3	100.0	100.0	-	-	-	-
Другие	100.0	32.4	67.6	100.0	78.3	-	13.0	8.7	-
Другие народности – монгольские граждане	100.0	87.5	12.5	100.0	50.0	-	50.0	-	-
Иностранцы	100.0	46.2	53.8	100.0	44.4	30.2	11.1	1.6	12.7

Рис. 2. Распределение процентных долей населения Монголии по этническим и конфессиональным группам. Данные 2020 года¹.

Fig. 2. Distribution of percentages of Mongolia's population by ethnic and religious groups. Data from 2020.

Среди казахов, узбеков (чантуу) и хошуты доля граждан, не исповедующих какой-либо религии, достигает 16%, что ниже, чем у других этнических групп. 81,9% казахов исповедуют ислам, так же, как и 88,9% узбеков (чантуу), а 89,3% хошуйцев — буддисты². Казахи составляют 95% мусульман Монголии. Шаманизм исповедует, на первый взгляд, не так много людей. Самые большие показатели есть у следующих этнических групп: 10,0% бурят, 13,8% дархатов, 27,0% тувинцев, 11,8% хамниган. Самый большой показатель среди цаатанов — 60,5% (доля среди верующего населения — 88,5 %) ³.

Дополняет религиозную картину современной Монголии статистика изменения количества храмов с 2004 по 2024 гг.⁴ Можно обратить внимание на ряд тенденций:

1) отчетливо заметно увеличение количества возведенных объектов культа всех конфессий. Что, на первый взгляд, подтверждает тезис о постсекулярном характере монгольского общества;

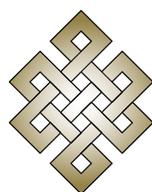
2) однако вопреки тому, что большинство верующих граждан Монголии исповедуют буддизм, количество буддийских храмов увеличилось не так значительно (итоговый прирост составил 22 храма), как количество христианских церквей (166), а число мусульманских мечетей увеличилось на ещё

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Үндэсний Статистикийн Хороо [Данные Службы национальной статистики Монголии] [Электронный ресурс]// www.1212.mn. URL: <https://www.1212.mn/mn/statcate/table/Society,%20development/Monasteries%2C%20Temples%20and%20Churches> (дата обращения: 10.11.2025). (На монг. яз.).

меньшее количество (всего 5 сооружений)¹. Примечательна и аналогичная статистика по количеству священнослужителей;

3) вопреки высокому уровню религиозности монгольского общества и росту количества религиозных сооружений, количество священнослужителей, несмотря на начальный рост в 2005–2006 гг., в итоге сократилось². Причем, в основном за счет буддийских лам и исламских муфтий. В то время, как количество христианских священников всё же увеличилось, причем больше, чем вдвое³.

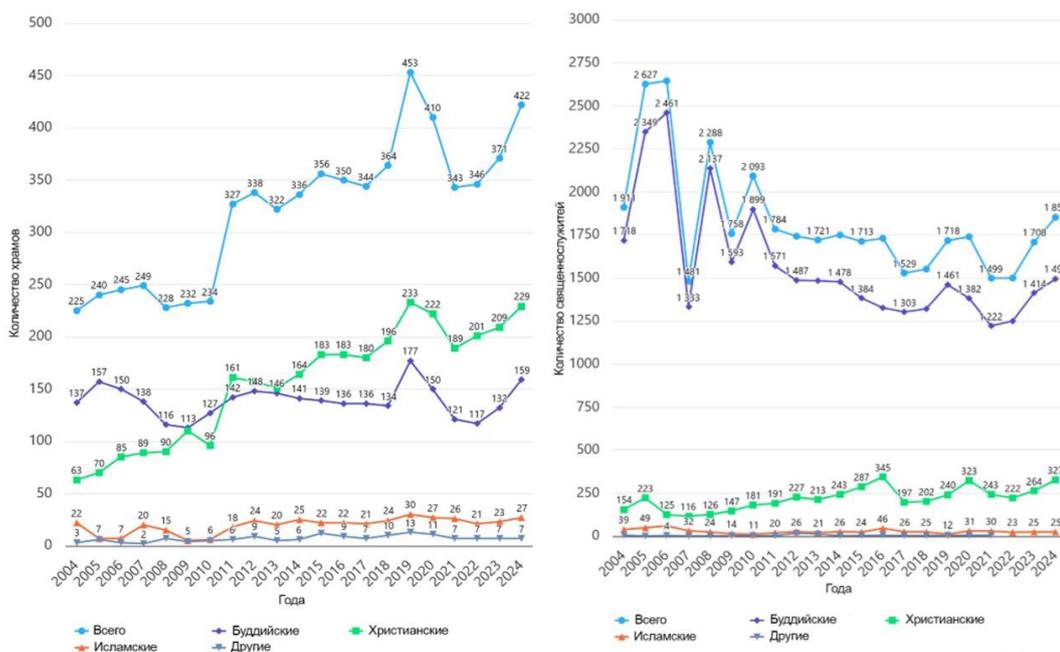

Рис. 3. Изменения количества храмов разных конфессий и количества священнослужителей разных конфессий в Монголии с 2004 по 2024 гг.⁴

Fig. 3. Changes in the number of churches of different faiths and the number of clergy of different faiths in Mongolia from 2004 to 2024.

Таким образом, несмотря на сохранение буддизма в качестве ведущей религии Монголии, всё же можно говорить пусть и с определенной степенью осторожности о процессе «христианизации» страны, поскольку процентные доли населения, исповедующего христианство, среди основных этнических групп, как показано выше, остаются незначительными и, возможно, речь в большей степени идет о развитии инфраструктуры сети неправительственных христианских организаций (сект), для которых миссионерская деятельность может служить лишь одним из направлений «работы» в Монголии. Также можно констатировать, что ислам и шаманизм, исходя из рассмотренных выше показателей, во многом остаются верованиями отдельных этнических групп. Однако важным остается вопрос о роли синкретизма и культа личности Чингисхана в рамках взаимоотношения религиозных и политических процессов в Монголии, поскольку его фигура выходит за рамки лишь одного тенгрианства.

Если обратиться к исследовательским работам, затрагивающим специфику конфессионального ландшафта современной Монголии, то можно заметить, что учеными выделяется целый ряд особенностей, характеризующих развитие религиозности современного монгольского общества.

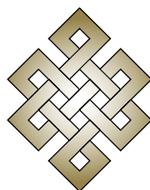
Так А. В. Жуков отмечает, что формирование современной монгольской религиозности детерминировано комплексом факторов, ключевыми среди которых выступают глобализация и сопутствующие

¹ Там же.

² Үндэсний Статистикийн Хороо [Данные Службы национальной статистики Монголии] [Электронный ресурс] // www.1212.mn. URL: <https://www.1212.mn/mn/statcate/table/Society,%20development/Monasteries%2C%20Temples%20and%20Churches> (дата обращения: 10.11.2025). (На монг. яз.).

³ Там же.

⁴ Там же.

ей процессы — модернизация, секуляризация и развитие рыночных отношений. В данном контексте процессы религиозного возрождения приобретают плюралистичный характер, вовлекая как традиционные конфессии, так и новые религиозные движения, заимствованные из-за рубежа (Жуков, 2016).

Конфессиональный ландшафт современной Монголии отличается значительным разнообразием, где наряду с буддизмом и шаманизмом активную роль играют протестантские религиозные секты (адвентисты, баптисты, пятидесятники), а также такие организации, как «Свидетели Иеговы», «христиане веры евангельской», «новоапостольская христианская организация» (Ванчикова, Цэ-дэндэмба, 2014). Их деятельность способствует отделению религиозной идентичности от этнической и формирует сложное, многоуровневое религиозное пространство, составляющее основу идейного плюрализма в духовной сфере (Жуков, 2016).

Параллельно на развитие этнической и национальной, а в конечном итоге и цивилизационной идентичности отдельных народностей всего монгольского общества в целом мощное влияние оказывает реактуализация традиции, осуществляемая адептами «монгольской идеи», центральное место в которой занимает культ Чингисхана (там же). Данный культ представляет собой синкретическое явление, интегрирующее элементы тотемизма, тенгрианства (культ Неба), буддизма и шаманизма. Указанные процессы дополняются влиянием мусульманского мифотворчества, которое, в свою очередь, имеет ограниченный, этнолокальный ареал распространения (там же).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что конфессиональный ландшафт современной Монголии является по своей сути гетерогенным. Буддизм сохраняет статус «превалирующей» религии, выступая, во многом ключевым маркером монгольской национальной идентичности, что будет особенно заметно на анализе его роли в политических процессах современной Монголии. Тем не менее он всё же не является конфессией-«монополистом». Положение ислама особенно сильно среди монгольских казахов и узбеков, а многочисленные христианские религиозные организации, несмотря на небольшое количество христиан среди граждан Монголии, активно формируют сегодня широкую сеть культовых учреждений и священнослужителей.

Буддийский фактор в политической жизни Монголии

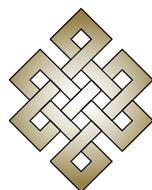
Согласно исследованию Р. Сабирова, в постсоциалистический период монгольское государство, формулируя свою религиозную политику, фактически воспроизвело сложившийся ранее нарратив, трактующий буддизм как неотъемлемый компонент национальной культуры и истории (Сабиров, 2020).

Привилегированный статус буддизма был законодательно закреплен в Законе «Об отношениях религии и государства» (1993)¹ и Концепции национальной безопасности (1994, 2010²), где подчеркивается его «превалирующая роль» в поддержании национального единства и сохранении культурного наследия. На символическом уровне эта поддержка выражалась в участии высокопоставленных чиновников в буддийских церемониях и финансировании восстановления отдельных объектов, таких как статуя Авалокитешвары в расположенном в Улан-Баторе храмовом комплексе монастыря Гандан (Шишин, Онуфриенко, 2023). Однако системного бюджетного финансирования для восстановления буддийских институтов в масштабах всей страны предоставлено не было. Ключевую роль в их восстановлении сыграли и продолжают играть значимую роль в их функционировании зарубежные, в первую очередь, тибетские организации и отдельные ламы, такие, как Далай-лама XIV и связанные с ним учителя, а также Фонд поддержки махаянской традиции (ФПМТ)³.

¹ Төр, сүм хийдийн харилцааны тухай [Закон «Об отношениях религии и государства»] [Электронный ресурс] // Legalinfo.mn. URL: <https://legalinfo.mn/mn/detail/485> (дата обращения: 10.11.2025). (На монг. яз.)

² Монгол улсын үндэсний аюулгүй байдлын үзэл баримтлал [Концепция национальной безопасности Монголии] [Электронный ресурс] // Legalinfo.mn. URL: <https://legalinfo.mn/mn/detail?lawId=208070> (дата обращения: 10.11.2025). (На монг. яз.)

³ Международная буддийская организация, основанная в 1975 г. в Непале. Штаб-квартира находится в США. Фонд спонсирует монастыри, гуманитарные проекты, кроме этого, осуществляет программу, направленную на возрождение буддизма в Монголии, в рамках которой были созданы буддийские центры «Шадувлин» (Улан-Батор) и «Алтангэрэл» (Дархан), а также восстановлен женский монастырь Дулмалин (Улан-Батор). Сайт Фонда: FPMT. Главная страница [Электронный ресурс] // FPMT. URL: <https://fpmt.org/> (дата обращения: 10.11.2025).

Важным аспектом религиозного возрождения стало восстановление института тулку (хубилганов)¹. В условиях, когда власти Китайской Народной Республики (КНР) стремятся влиять на процесс признания перерождений высоких духовных лиц северного буддизма, монгольские лидеры делают ставку на возрождение института Джебцун-дамба-хутухт² как способа обеспечения легитимности и самостоятельности национального буддизма. Хамбо-лама (настоятель) монастыря Гандан, признанный де факто главой буддистов Монголии, не обладает административной властью над другими монастырями, но является ключевой публичной фигурой (Сабилов, 2020).

Однако «де юре» новым лидером монгольских буддистов уже сейчас является юный Богдо-гэгэн³ X, который не достиг совершеннолетия, и по мере взросления в будущем может значительно изменить расстановку политических сил среди буддийского духовенства Монголии⁴.

Внутри монгольского буддийского сообщества наблюдается плюрализм и отсутствие единства. С одной стороны, существует сеть монастырей во главе с Ганданом, лояльных Далай-ламе XIV. С другой — влиятельные ламы (например, З. Сандждорж, Дамбаджав), выступающие против тибетского влияния и, по некоторым данным, связанные с китайскими церковно-политическими кругами (Сабилов, 2020: 96). Третью сторону занимают националистически настроенные деятели, такие, как Дзава Дамдин Ринпоче, которые ратуют за автономию монгольского буддизма. Дзава Дамдин ассоциируется с культом Дордже Шугдена, который, будучи привнесен в Монголию Гуру Дэва Ринпоче, оказался в оппозиции к линии Далай-ламы (там же: 97).

Еще одной особенностью, отличающей монгольский буддизм, является распространенная практика несоблюдения монашеских обетов, в частности безбрачия, что некоторыми ламами трактуется как местная традиция, сложившаяся по историческим и практическим причинам. Несмотря на внутренние разногласия, буддизм сохраняет доминирующие позиции в религиозном ландшафте Монголии, хотя и существует в условиях конкуренции. Шаманизм, претендующий на статус исконной религии, остается институционально слабым и неспособным составить буддизму идеологическую конкуренцию на национальном уровне. Христианские миссии, в 1990-е гг. символизировавшие модернизацию, стимулировали буддийские общины к развитию социально-ориентированных и образовательных проектов (Сабилов, 2020: 101–102).

В недавней статье И. Г. Актамова и Ц. Цэцэнбилэг отмечается, что характерной чертой современного монгольского общества стало тесное переплетение религиозной и политической сфер жизни общества (Актамов, Цэцэнбилэг, 2025). Хотя Демократическая партия верующих Монголии (Монголын шашинтны ардчилсан нам) потерпела поражение на своих же первых парламентских выборах в 1992 г.⁵, под влиянием от её появления многие монгольские политические силы стали регулярно апеллировать в своих программах к религиозным идеям (Актамов, Цэцэнбилэг, 2025: 140). Буддийские деятели также активизировали своё участие в общественно-политической жизни Монголии (там же: 142).

Примечательно, что правящая элита на раннем этапе постсоциалистического развития Монголии в основном состояла из лиц, в той или иной степени связанных с буддийской традицией. Например, свои буддийские взгляды наиболее последовательно демонстрировал премьер-министр (2000–2004) и впоследствии президент Монголии (2005–2009) Намбарын Энхбаяр. В публичных выступлениях он нередко интерпретировал социально-экономические и политические реалии через призму буддийского учения⁶.

¹ Термин, означающий воплощение или перерождение известного буддийского деятеля или персонажа буддийского пантеона.

² Линия перерождений (реинкарнаций) и соответствующий титул, который с XVII в. носит глава монгольских буддистов, Богдо-гэгэн.

³ Исторический титул главы буддийской сангхи Монголии.

⁴ Богдо-гэгэн X посетил учения Его Святейшества Далай-ламы в Дхарамсале [Электронный ресурс] // Nalanda.news. Новостной портал «Новости буддизма. Наланда». 2023, 10 марта. URL: <https://nalanda.news/2023/03/10/bogd-gegen-of-mongolia.html/> (дата обращения: 02.09.2025).

⁵ Гантөгс Л. Эвслүүд сонгуульд хэр амжилттай оролцдог вэ [Успешно ли коалиции участвуют в выборах?] [Электронный ресурс] // iToim.mn. URL: <https://itoim.mn/a/2024/01/29/parliament/yvs> (дата обращения: 20.11.2025) (На монг. яз.).

⁶ Намсараева С. Кого не любят в толерантной Монголии [Электронный ресурс] // Независимая газета, 2024, 4 февраля. URL: https://www.ng.ru/people/2004-02-04/5_mongolia.html?ysclid=mhyhum8viz153814966 (дата обращения: 10.11.2025).

Знаковым явлением стала институционализация религиозных ритуалов в политической практике. Ярким примером служит деятельность президента Цахиагийн Элбэгдоржа (2009–2017), который активно использовал в своих целях сакральный объект — гору Бурхан-Халдун¹. Он лично участвовал в церемониях на её вершине, привлекая высших военных и гражданских чиновников, а также представителей духовенства во главе с хамбо-ламой (настоятелем) монастыря Гандан (Актамов, Цэцэнбилэг, 2025: 143). Инициированная им кампания по включению горы в список Всемирного наследия ЮНЕСКО и издание соответствующего указа² увенчались успехом в 2015 г., что было представлено как крупное политическое достижение³. Данная тенденция сохраняет актуальность.

Так, действующий (с 2021 г. по настоящее время) президент Монголии У. Хурэлсух, будучи премьер-министром (2017–2021), в ходе визита в монастырь Гандан заявлял о необходимости установления взаимного уважения между властью и религией⁴. Таким образом, религия стала значимым фактором, оказывающим влияние как на внутреннюю, так и на внешнюю политику Монголии.

Однако роль буддизма как маркера монгольской цивилизационной идентичности не является бесспорной. В общественном сознании сохраняется дискурс, сформировавшийся в начале XX в. под влиянием националистов и марксистов, которые рассматривали буддизм как инструмент подчинения Монголии Цинской империи и препятствие на пути модернизации. В результате, в отличие от других буддийских обществ Азии, где религия ассоциируется с позитивными аспектами истории, в Монголии её наследие нередко связывается с «национальным унижением» (Elverskog, 2006: 33). Поскольку вопросы национального самосознания имеют для Монголии высокую политическую значимость, ответной реакцией на вызовы глобализации стал рост настроений, сочетающих националистические и религиозно-радикальные элементы (Актамов, Цэцэнбилэг, 2025).

Культ Чингисхана

Каждая цивилизация, согласно А. Тойнби, своими истоками связана с Ответом-на-Вызов (Тойнби, 1991: 106–141). Цивилизация появляется тогда, когда возникший в конкретное время и в конкретном месте перед людьми экзистенциальный Вызов встречает от них успешный сверхрациональный Ответ. Для основоположников цивилизационного подхода (А. Тойнби, О. Шпенглера, Н. Я. Данилевского) наследия Чингисхана у цивилизаций нет. Цивилизация у кочевников — давно ушедшее явление. Как пишет А. Тойнби, она появилась в далеком прошлом в результате весьма оригинального Ответа на серьезный Вызов природной среды, но исчезла, заведя кочевников в тупиковую ситуацию, превратив их в вечных пленников природно-климатического цикла (Тойнби, 1991: 186). Цивилизация ушла, оставив кочевников с незавидной участью. По классике, взлеты кочевников, в том числе монголов, связанные с природными циклами и с вакуумом, образующимся в соседних оседлых цивилизациях, вели к разрушению этих цивилизаций, но заканчивались всегда падением кочевников в изначальное ничтожное состояние (Данилевский, 2003: 94).

Развиваемая нами цивилизационная политология⁵ берет на вооружение подход классиков к цивилизации как к Ответу-на-Вызов. Но кардинальным отличием от классики является то, что здесь цивилизации, каждая со своим институциональным порядком, переплетены между собой. Получается,

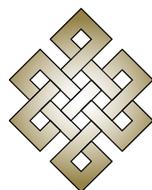
¹ Согласно устоявшемуся в Монголии подходу, под ней понимают гору хребта Хэнтэй с центральной вершиной Хан-Хэнтэй, расположенной на территории аймака Хэнтий. См. подробнее: Burkhan Khaldun Mountain. A Sacred Peak of Historical and Cultural Significance [Электронный ресурс] // Toursmongolia.com. URL: <https://www.toursmongolia.com/destinations/burkhan-khaldun-mountain> (дата обращения: 10.11.2025).

² Бурхан халдуны тухай. Монгол Улсын ерөнхийлөгчийн зарлиг [Указ президента Монголии о горе Бурхан-Халдун] [Электронный ресурс] // Legalinfo.mn. URL: <https://legalinfo.mn/mn/detail/11182> (дата обращения: 10.11.2025) (На монг. яз.).

³ Элбэгдорж Ц.: Бурхан халдуныг дэлхийд бүртгэлтэй болсонд их баяртай байгаа [Ц. Элбэгдорж: Я очень рад, что Бурхан-Халдун вошла в Список Всемирного наследия] [Электронный ресурс] // ikon.mn. URL: <https://ikon.mn/n/ny2>. (дата обращения: 10.11.2025) (На монг. яз.).

⁴ Хурэлсух У.: Төр нь шашнаа хүндэтгэж, шашин нь төрөө дээдэлнэ [У. Хурэлсух: Государство уважает религию, и религия уважает государство] [Электронный ресурс] // unuudur.mn. URL: <https://www.unuudur.mn/a/117838> (дата обращения: 10.11.2025) (На монг. яз.).

⁵ См. подробнее: Железняков А. С. Цивилизационная политология как научное направление // Россия в полицентричном мировом порядке: вызовы и новые парадигмы развития: Материалы X Всероссийского конгресса политологов РАПН с международным участием, Москва, 05–07 декабря 2024 года. М.: Общество с ограниченной ответственностью Издательство «Аспект Пресс», 2024. С. 207–208.

что «вычленять» в каждой из них нечто отдельное и институционально упорядоченное можно лишь в общем «оркестре». «Солистами» в этом «оркестре» являются государства-цивилизации (т. е. государства, имеющие в своем составе общее для всей цивилизации ядро), а «рядовыми исполнителями» — межцивилизационные форпосты в виде отдельных государств, регионов, анклавов. В этой картине применительно к наследию народов Центральной Евразии историческая роль Чингисхана просматривается весьма выпукло.

Центральная Евразия представляет собой географический регион и цивилизационное пространство, складывающееся из исторически суммируемых в пределах региона влияний трёх цивилизаций: монгольской, русской и китайской. В этих наслаивающихся друг на друга цивилизационных рамках отчётливо просматривается связующая роль кочевых империй Монголии, обеспечивших многовековое глубокое переплетение исторических судеб, с одной стороны, народов Большой Монголии и Большой России, и с другой — народов Большой Монголии и Большого Китая¹.

Примечательно, что переплетение исторических судеб народов Центральной Евразии продолжается в определенной мере просматриваться в этнокультурных особенностях взаимоотношений нынешних Монголии, Китая и России. Будучи совсем небольшим по численности населения суверенным государством, Монголия в целом резко отличается и от Китая, и от России, но в культурном и этническом отношении весьма близка к некоторым регионам данных стран, т. е. выступает ядром нейтральной к государственным границам монгольской цивилизации. Статус Монголии как ядра цивилизации связан с могуществом существовавшего на ее территории с III в. до н. э. очага целой череды возникавших, исчезающих и вновь появлявшихся кочевых империй. И, прежде всего, с могуществом построенного там же в XIII в. города Каракорума, столицы основанной Чингисханом Великой монгольской империи. Империи, ставшей самой большой по площади континентальной империей в мировой истории, под чьей властью в единых сухопутных границах соединились обширные территории Евразии.

Постольку на территории Монголии веками проявлялось ядро цивилизации тюрко-монгольского кочевого мира Центральной Евразии, поскольку эта цивилизация по праву названа монгольской. В пользу такого названия говорит и то, что именно монголы в течение уже более восьми последних веков определяют политический, экономический и этнокультурный облик Монголии — всей территории цивилизационного ядра.

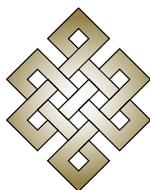
Историческая миссия Чингисхана коренным образом повлияла на траекторию движения не только Монголии, но и Китая и России, сблизив эти три страны в их прошлом и современном межцивилизационном взаимодействии. Вот несколько наблюдений:

В современной Монголии почитание личности Чингисхана (основателя Монгольской империи, правивший в период с 1206 по 1227 гг.), приобрело значение чуть ли не государственного культа. Это почитание связано с исторической памятью о его роли в создании империи начала XIII в., обусловившей особое место Монголии в истории и мироустройстве, с определением ее цивилизационной идентичности. В стране повсюду фигурируют портреты Чингисхана: на денежных купюрах, во всех государственных и муниципальных учреждениях, а в домах многих монголов эти портреты часто занимают почётное, сакральное место, сопоставимое с русским красным углом. В 2022 г. в самом центре столицы Монголии был открыт построенный по последнему слову техники грандиозный девятиуровневый Национальный музей Чингисхана, посвященный не только великому полководцу, но и, в целом, истории кочевников Центральной Евразии, монгольской цивилизации². Музей стал «визитной карточкой» страны, с которой знакомят всех отечественных и иностранных посетителей. День рождения Чингисхана (первый день первого зимнего месяца по лунному календарю) является с 2012 г. государственным праздником — «Днём гордости Монголии»³. А в 2008 г. в нескольких десят-

¹ Под «Большой Россией», «Большой Монголией», «Большим Китаем» понимаются исторические ареалы данных цивилизаций, которые в прошлом находили своё политико-правовое оформление в границах Российской империи, Монгольской империи и Китайской империи, а сейчас считаются особым для них цивилизационным пространством, частично очерчиваемым также такими терминами как Русский мир, Монгольский мир и Китайский мир (см. подробнее: Железняков, 2024).

² Музейн түүх [История музея] [Электронный ресурс] // Chinggismuseum.com: сайт Национального музея Чингисхана. URL: <https://chinggismuseum.com/history> (дата обращения: 2.09.2025) (На монг. яз.).

³ День рождения Чингисхана — День гордости Монголии [Электронный ресурс] // ARD: портал деловой информации. 2013, 5 ноября. URL: <https://asiarussia.ru/media/777/> (дата обращения: 2.09.2025).

ках километров от Улан-Батора в местности Цонжин-Болдог была установлена крупнейшая конная статуя в мире, также посвящённая Чингисхану¹. Нынешним Президентом Монголии Ухнаагийн Хурэлсухом Чингисхан был определен как «гений тысячелетия мировой истории», который «...объединил монгольский народ под властью закона, истории, культуры и права, возродил давнее традиционное государство, установил Великое монгольское государство под властью вечного неба и укрепил могущество Монгольской империи»².

Заметно высокий интерес к Чингисхану также проявляют и в КНР. Это можно объяснить не только тем фактом, что на территории КНР, прежде всего, в Автономном районе Внутренняя Монголия и Синьцзян-Уйгурском автономном районе проживает большое количество монголов, интерес которых к фигуре Чингисхана вполне очевиден и закономерен, но также и влиянием Чингисхана на историю Китая в принципе. Именно к Чингисхану, как к родоначальнику, восходит одна из династий правителей Китая — Юань, оказавшая значительное влияние на развитие китайской государственности и через нее — на мировую историю. Соответственно здесь также появляются памятники Чингисхану, а топонимы, бренды товаров получают наименования в честь этого легендарного военачальника, что особенно часто происходит в приграничных районах материкового Китая³.

Одному из авторов данной статьи доводилось в беседах с китайскими коллегами — историками и политологами — часто слышать отказ от признания монголов носителями отдельной цивилизации. В этом нет ничего особенного, отличающего китайских ученых от их коллег во всем мире. Но важен контекст: в независимой (Внешней) Монголии этнических монголов проживает меньше (около 3 млн человек, конкретные цифры могут отличаться в зависимости от учета тех или иных этнических групп), чем на территориях, оставшихся в составе Китая после распада империи Цин в 1912 г. — 7,5 млн человек⁴. А это позволяет некоторым экспертам говорить о китаизации Чингисхана и даже об объявлении его китайцем⁵. На деле же, роль Чингисхана как монгола здесь не отрицается: просто его фигуру относят к китайской цивилизации (как к родоначальнику династии Юань и отцу китайской государственности периода её правления с 1271 по 1368 гг.), соединяющей в себе культуры официально признанных в стране этнических групп.

В России постепенно происходит переоценка в позитивном ключе роли Монгольской империи в становлении российского государства⁶. И хотя ещё сильно то понимание взаимодействия Золотой Орды и русских княжеств, которое Л. Н. Гумилёв считал «чёрной легендой» об иге (Гумилев, 2008: 20-35), появляется всё больше попыток опровергнуть эту легенду. Всё более значимое место, особенно на фоне глобальных мировых событий и нового витка напряженности в отношении с западными странами, начинают играть в нашей государственной политике концепции евразийцев, видевших в России наследницу Монгольской империи. А потому появляется всё больше исследований и проводится всё больше научных мероприятий, посвященных Чингисхану и в нашей стране.

Концепции евразийцев в современном осмыслении наиболее ярко звучат, например, у авторов вышедшего в 2025 г. под редакцией С. А. Караганова Доклада Тобольского клуба № I, выполненного при поддержке НПО «Совет по внешней и оборонной политике», и открывающего серию исследований

¹ Genghis Khan Rules Mongolia Again, in a P. R. Campaign [Электронный ресурс] // New York Times. 2009, 2 августа. URL: <https://www.nytimes.com/2009/08/03/world/asia/03genghis.html?smid=url-share> (дата обращения: 2.09.2025).

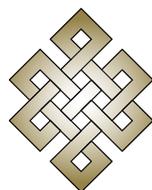
² В Монголии резко вырос спрос на портреты Чингисхана [Электронный ресурс] // Известия. 2022. 20 июля. URL: <https://iz.ru/1367591/2022-07-20/v-mongolii-rezko-vyros-spros-na-portrety-chingiskhana> (дата обращения: 2.09.2025).

³ Китайцы объявили Чингисхана китайцем — д.и.н. Сурун-Ханда Сыртыпова [Электронный ресурс] // ZOLORD.RU. Интернет-журнал «Золотая Орда». 2021. 16 сентября. URL: <https://zolord.ru/news/3057> (дата обращения: 2.09.2025).

⁴ См. подробнее: Ставров, И. В. Тенденции демографического развития неханьских национальностей Северо-Восточного Китая (начало XXI в.) // Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук. 2013. № 4(170). С. 146–151.

⁵ Там же.

⁶ См. например: Орда златоглавая. Что это было: иго или передовая цивилизация? [Электронный ресурс] // Портал газеты «Коммерсант». URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4031940> (дата обращения: 2.09.2025); Как монголо-татарское иго способствовало созданию России [Электронный ресурс] // Портал газеты «Аргументы Недели». 2024, № 12 (909) 27 марта — 2 апреля. URL: <https://argumenti.ru/society/2024/03/890904> (дата обращения: 2.09.2025).

по тематике Сибиризации России и Поворота на Восток 2.0, основанного на материалах исследований, научных семинаров, круглых столов и конференций, организованных в рамках грантового проекта научной комиссии факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ «Сибиризация России: Поворот на Восток 2.0»¹. В докладе имеется, в частности, такое интересное допущение: «Существуют косвенные свидетельства, что первым русским князем, посетившим по вызову хана Батые столицу Монгольской империи Каракорум, был Ярослав Всеволодович — сын Всеволода III Большое Гнездо. В 1248–1249 гг. сын Ярослава, великий благоверный князь Александр Невский пересек Южную Сибирь, направляясь в Каракорум за высшим ярлыком на великое княжение. По всей вероятности, там он встречался с Кублай-ханом (Хубилаем) — завоевателем и объединителем Китая, основателем династии Юань, известным в Европе по рассказам Марко Поло. С этого восточного похода условно и начинается наше «азиатское летоисчисление». Хотя его, вероятно, стоит начинать раньше — со времен развития в Северной Евразии, Сибири, нескольких цивилизаций»².

Итак, Великая Монгольская империя Чингисхана признана не только в Монголии, но и в определенной мере в России и Китае ключевой вехой в истории каждой из этих стран. Этому во многом способствовало признание в данных странах того обстоятельства, что монголам удалось воплотить тэнгрианские принципы государственного устройства, обеспечивая безопасное сосуществование народов, говорящих на разных языках и исповедующих разные религии.

В результате сама нынешняя Монголия с ее крайне небольшим населением оказалась в безопасной для своего существования нише. Россия, Монголия и Китай получили в общем цивилизационном пространстве Центральной Евразии возможность выступать практически равными партнерами. Признание в наши дни этими тремя соседями особой позитивной значимости для их истории фигуры основателя Великой монгольской империи свидетельствует о том, что историческая миссия Чингисхана не прервалась и в настоящее время.

Проявления конфессионального фактора в сфере политического взаимодействия России и Монголии

Как отмечает М. М. Содномпилова, шаманизм как древняя религия региона демонстрирует тесные исторические связи между монгольскими и бурятскими традициями. В постсоветский период эти контакты активизировались (Содномпилова, 2011: 70). В 1999-е гг. Бурятия стала восприниматься монгольскими шаманистами как сакральный центр, необходимый для получения посвящения и поклонения великим божествам (например, на острове Ольхон, в Тункинской долине). В свою очередь, бурятские шаманы стремились к получению посвящения от авторитетных монгольских шаманов, таких как Цырен-заарин. Этот взаимный интерес способствовал формированию общего сакрального пространства (там же: 71).

Интенсификации шаманского возрождения способствуют крупные обряды (тайлаганы) общепурятского и общемонгольского масштаба в ключевых культовых местах (о. Ольхон, Делиун-Болдог, Бурхан-Халдун). Проводимые шаманскими организациями («Тэнгэри» и др.), эти мероприятия преследуют цели этнической консолидации и возрождения традиций (там же).

Буддизм же в Бурятии и Монголии в XXI в. развивается в условиях конкуренции с другими конфессиями. В Бурятии Буддийская традиционная сангха России (БТСР) под руководством хамбо-ламы Аюшеева реализует масштабные проекты, сочетающие духовное возрождение (популяризация роли учителя-ламы, сакрализация института хамбо-лам через создание паломнического маршрута к местам их рождения) с социокультурными инициативами (возрождение скотоводства, развитие туризма) (там же: 72). Важным явлением стала также сакрализация пространства через «обнаружение» новых священных локусов (например, камень с образом богини Янжимы в Курумканском районе), в чем активное участие принимает Хамбо-лама Аюшеев (там же).

¹ Доклад «Поворот на Восток 2.0, или Сибиризация России» [Электронный ресурс] // Globalaffairs.Ru: Сайт журнала «Россия в глобальной политике». URL: <https://globalaffairs.ru/articles/sibirizacziya-rossii/> (дата обращения: 2.09.2025).

² Там же.

Кульť хамбо-ламы Итигэлова стал важной точкой опоры во взаимодействии буддистов России и Монголии. Феномен нетленного тела Хамбо-ламы Даши-Доржо Итигэлова¹ стал центральным символом буддийского возрождения в Бурятии, привлекая сотни тысяч паломников. Образ Итигэлова как защитника бурятской земли оказывает мощное влияние и на верующих Монголии, чему в том числе способствуют показы фильмов о нём в Монголии, например, фильма «Феномен Этигэлова. Загадка бурятского ламы» (2018 г.) был показан в 2019 г. в стенах Российского центра науки и культуры (Русского дома)². Сегодня Итигэлов является не только религиозной святыней, но и туристическим брендом, укрепляющим связи между Бурятией и Монголией (Содномпилова, 2011: 73).

В то же время непосредственно в Монголии доминирующим политическим и религиозным символом эпохи постсоциализма является образ Чингисхана. Шаманские организации реконструируют священные локусы, связанные с его жизнью (Делиун-Болдог — место рождения). Участие политической и бизнес-элиты в обрядах почитания предка стало обязательной практикой, направленной на обеспечение процветания страны и личного успеха. В Бурятии культ Чингисхана не столь масштабен, но также присутствует (например, на о. Ольхон), часто в контексте развития туризма (Содномпилова, 2011: 73).

Таким образом, ключевые религиозные символы (Итигэлов, Чингисхан) и процессы (сакрализация пространства, проведение крупных обрядов) играют ведущую роль в духовной жизни монгольских народов России и Монголии, усиливая интенсивность трансграничных взаимодействий и консолидируя общее культурно-религиозное пространство в условиях глобализации.

Связи между народами Тувы и Монголии характеризуются общим этнокультурным наследием, что особенно ярко проявляется в обрядах и праздниках, имеющих «шаманистские» корни. Обряды и традиции тувинцев России и Монголии едины по смыслу и содержанию. Например, Шагаа (Новый год по лунному календарю), имеющий статус народного праздника Республики Тыва³, является праздником встречи весны, символом внешнего и духовного обновления для тувинцев обеих стран, несмотря на незначительные различия в деталях церемонии его проведения. При этом имеет место быть и синкретизм между шаманизмом и буддизмом. Некоторые одновременно практикуемыми тувинцами двух стран обряды носят сугубо буддийский характер, в то время как другие — «шаманско-тенгрианский» (Норбу, 2025: 178–180).

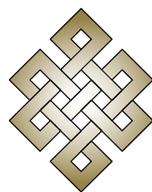
Также немаловажным является религиозное возрождение, затронувшее большинство регионов России и Монголии, в том числе и цивилизационные форпосты. Возрождение буддизма и шаманизма в форме обрядов культа природы в Туве, Монголии, а также отдельных регионах Китая, по мнению исследователей, является единым процессом, пусть и имеющим свои особенности в зависимости от региональной и страновой специфики (Айыжы, Базырчап, 2013: 23).

В контексте же цивилизационной политологии важно отметить, что конфессиональный фактор в форме синкретизма северного буддизма, шаманизма и культа Чингисхана фактически очерчивает пространство форпоста монгольской цивилизации на территории России в виде таких регионов, например, как Бурятия, Тува, Забайкальский край и Калмыкия, дополняя этнический фактор и усложняя цивилизационную картину в рамках географического пространства этих субъектов Российской Федерации. Тем самым, он способствует сохранению полицивилизационной идентичности жителей данных регионов (одновременно принадлежащих, в частности, как к русской, так и монгольской цивилизации), а также закладывает основу для развития межцивилизационного и межгосудар-

¹ Пандито Хамбо-лама XII Даши-Доржо Итигэлов (13 мая 1852 — 15 июня 1927) — бурятский религиозный деятель, глава буддистов Восточной Сибири в 1911–1917 гг. Известен феноменом нетленного тела. Спустя век после его предполагаемой смерти или ухода в нирвану, тело ламы сохраняет все признаки живого организма, что до сих пор не получило полного научного объяснения. Буддийские верующие состояние тела Итигэлова объясняют высочайшим уровнем духовной практики. Считается, что он очистил тело до состояния нетленности. См. подробнее: Амоголонова, Д. Д. Возвращение Хамбо-ламы Итигэлова в контексте постсоветской десекуляризации общественного сознания // Tartaria Magna. 2012. № 1. С. 128–147.

² В Монголии представили знаменитый фильм Елены Демидовой Феномен Итигэлова. Загадка бурятского ламы [Электронный ресурс] // ТИВИКОМ. 2019, 25 июня. URL: <https://tvcom-tv.ru/v-mongolii-predstavili-znamenituyu-film-elenu-demidovoyu-fenomen-itigelova-zagadka-buryatskogo-lamy8190.html> (дата обращения: 10.11.2025).

³ См.: Закон Республики Тыва от 12 февраля 1999 года № 143 О праздничных днях Республики Тыва [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/802048811> (дата обращения: 10.11.2025).

ственного диалога России и Монголии на современном этапе развития двусторонних отношений, подчеркивает значимость цивилизационных процессов для двух стран как государств-цивилизаций.

Заключение

Проведенное исследование позволяет констатировать, что конфессиональный фактор, в особенности тибетский буддизм и синкретический культ Чингисхана, является неотъемлемым и многогранным элементом цивилизационной идентичности современной Монголии и играет значительную роль в ее политике.

Несмотря на законодательно закрепленный плюрализм, буддизм сохраняет статус «превалирующей» религии, выступая ключевым маркером монгольской национальной идентичности. Он институционально встроен в государственную политику, что проявляется в символическом участии политической элиты в религиозных церемониях и использовании буддийского нарратива для укрепления национального единства. Однако внутренняя неоднородность буддийского сообщества, наличие прокитайских и националистических течений, а также растущая конкуренция со стороны христианских миссий делают конфессиональную картину современной Монголии сложной и динамично развивающейся.

Фигура Чингисхана трансформировалась в центральный политический и религиозный символ постсекулярной Монголии, олицетворяющий национальную гордость и цивилизационную самостоятельность. Его культ, интегрирующий элементы тенгрианства, шаманизма и буддизма, выполняет важнейшую функцию консолидации общества, конструирования гражданской и цивилизационной идентичности, и легитимации власти. Его значение выходит за национальные рамки, выступая фактором межцивилизационного диалога в Центральной Евразии, связывая (через общее историческое наследие) Монголию с Россией и Китаем.

Конфессиональный фактор выступает также действенным инструментом развития российско-монгольского межцивилизационного диалога. Общее буддийское наследие, воплощенное в таких символах, как феномен Хамбо-ламы Итигэлова в Бурятии, и взаимный интерес к сакральным ландшафтам (Бурхан-Халдун, о. Ольхон) создают прочную духовную основу для углубления трансграничных связей, совместных паломничеств и культурных обменов.

Таким образом, конфессиональная специфика Монголии является и объектом политики, и в то же время фактором, формирующим один из столпов цивилизационной идентичности монголов, влияющим на внутреннюю и внешнюю политику государства. Синтез буддизма и культа Чингисхана образует уникальный цивилизационный код, который не только определяет внутреннее развитие страны, но и служит перспективной основой для укрепления диалога и сотрудничества между Россией и Монголией в условиях современных политических вызовов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Айыжы, Е. В., Базырчап, А. О. (2013) Обряды и обычаи, связанные с культурами природы у тувинцев Республики Тыва РФ, Китая, Монголии в начале XXI (сравнительный аспект) // Вестник Кемеровского государственного университета. № 3–1. С. 18–23.

Актамов, И. Г., Цэцэнбилэг, Ц. (2025) Буддизм и постсекулярное общество: социорелигиозные процессы в Монголии конце XX — начале XXI в. // Народы и религии Евразии. № 1. С. 137–150.

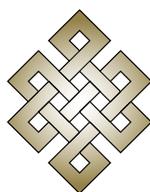
Ванчикова, Ц. П., Цэдэндамба, С. (2014) Религиозная ситуация в Монголии: 1990–2009 гг. // Гуманитарный вектор. № 3 (39). С. 67–72.

Гумилев, Л. Н. (2008) Черная легенда: Друзья и недруги Великой степи. М.: Айрис-пресс. 576 с.

Данилевский, Н. Я. (2003) Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германно-Романскому. М.: Эксмо. 640 с.

Железняков, А. С. (2024) Пространство цивилизационного диалога России и Монголии: Центральная Евразия // Труды Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. № 44. С. 171–190. DOI: <https://doi.org/10.24412/2658-5960-2024-44-171-190>

Жуков, А. В. (2016) Факторный анализ становления монгольской религиозности // Гуманитарный вектор. Сер. Философия. Культурология. Т. 11. № 2. С. 154–160.

Норбу, А. Б. (2025) Обряды и традиции празднования *Шагаа* тувинцами России и Монголии // Кунсткамера. № 3 (29). С. 167–180.

Романова, И. В., Зимин, О. И., Жуков, А. В., Жукова А. А. (2015) Монгольская религиозность, этничность и политическое влияние на нее в российских и зарубежных исследованиях // Вестник Забайкальского государственного университета. № 3 (118). С. 120–128.

Сабиров, Р. Т. (2020) Монгольский буддизм в XXI веке: в процессе конструирования // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. №1 (38). С. 86–105.

Содномпилова, М. М. (2011) Религиозные приоритеты духовной жизни монгольских народов в условиях глобализации // Власть. № 9. С. 70–73.

Ставров, И. В. (2013) Тенденции демографического развития неханьских национальностей Северо-Восточного Китая (начало XXI в.) // Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук. № 4 (170). С. 146–151.

Тойнби, А. Дж. (1991) Постижение истории. М. : Прогресс. 736 с.

Шишин, М. Ю., Онуфриенко, Д. Е. (2023) Культурный ландшафт монастырского комплекса Гандан в Улан-Баторе: графосемиотический анализ // Человек: образ и сущность. Гуманитарные аспекты. № 1(53). С. 110–128. DOI: <https://doi.org/10.31249/chel/2023.01.06>

Шпенглер, О. (1993) Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории / пер. с нем, вступ. ст. и примеч. К. А. Свасьяна. М. : Мысль. Т. 1. Гештальт и действительность. 663 с.

Elverskog, J. (2006) Two Buddhisms in Contemporary Mongolia // Contemporary Buddhism. Vol. 7. № 1. P. 29–46. DOI: <https://doi.org/10.1080/14639940600877937>

Дата поступления: 24.11.2025 г.

Дата принятия: 03.12.2025 г.

REFERENCES

Ayyzhy, E. V. and Bazyrchap, A. O. (2013) Rites and customs related to nature cults among Tuvans of the Republic of Tuva of the Russian Federation, China and Mongolia at the beginning of the 21st century. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 3–1, pp. 18–23. (In Russ.)

Aktamov, I. G. and Tsetsenbileg, Ts. (2025) Buddhism and the post-secular society: socio-religious processes in Mongolia in the late 20th – early 21st centuries. *Narody i religii Evrazii*, no. 1, pp. 137–150. (In Russ.)

Vanchikova, Ts. P. and Tseddendamba, S. (2014) The religious situation in Mongolia: 1990–2009. *Gumanitarnyi vector*, no. 3 (39), pp. 67–72. (In Russ.)

Gumilev, L. N. (2008) *The black legend: friends and foes of the Great Steppe*. Moscow, Airis-press Publ. 576 p. (In Russ.)

Danilevsky, N. Ya. (2003) *Russia and Europe: a view of the cultural and political relations of the Slavic world to the Romano-Germanic world*. Moscow, Eksmo Publ. 640 p. (In Russ.)

Zheleznyakov, A. S. (2024) The space of civilizational dialogue between Russia and Mongolia: Central Eurasia. *Trudy Instituta istorii, arkhologii i etnografii DVO RAN*, no. 44, pp. 171–190. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.24412/2658-5960-2024-44-171-190>

Zhukov, A. V. (2016) Factor analysis of the formation of Mongolian religiosity. *Gumanitarnyi vector. Seriya: Filosofiya. Kul'turologiya*, vol. 11, no. 2, pp. 154–160. (In Russ.)

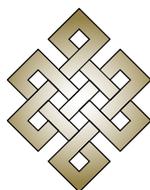
Norbu, A. B. (2025) Rites and traditions of celebrating *Shagaa* by Tuvans of Russia and Mongolia. *Kunstkamera*, no. 3(29), pp. 167–180. (In Russ.)

Romanova, I. V., Zimin, O. I., Zhukov, A. V., Zhukova, A. A. (2015) Mongolian religiosity, ethnicity and political influence on it in Russian and foreign studies. *Vestnik Zabaikal'skogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 3(118), pp. 120–128. (In Russ.)

Sabirov, R. T. (2020) Mongolian Buddhism in the 21st century: under construction. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom*, no. 1(38), pp. 86–105. (In Russ.)

Sodnompilova, M. M. (2011) Religious priorities in the spiritual life of the Mongolian peoples under globalization. *Vlast'*, no. 9, pp. 70–73. (In Russ.)

Stavrov, I. V. (2013) Trends in the demographic development of non-Han nationalities of Northeast China (early 21st century). *Vestnik Dal'nevostochnogo otdeleniya Rossiiskoi akademii nauk*, no. 4 (170), pp. 146–151. (In Russ.)

Toynbee, A. J. (1991) *A study of history*. Moscow, Progress Publ. 736 p. (In Russ.)

Shishin, M. Yu. and Onufrienko, D. E. (2023) The cultural landscape of the Gandan monastery complex in Ulaanbaatar: a graphosemiotic analysis. *Chelovek: obraz i sushchnost'. Gumanitarnye aspekty*, no. 1 (53), pp. 110–128. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.31249/chel/2023.01.06>

Shpengler, O. (1993) *The decline of the West. Sketches of the morphology of world history*. Trans. from German, introd. and notes by K. A. Svasyan. Moscow: Mysl' Publ. vol. 1. Gestalt and reality. 663 p. (In Russ.)

Elverskog, J. (2006) Two Buddhisms in Contemporary Mongolia. *Contemporary Buddhism*, vol. 7, no. 1, pp. 29–46. DOI: <https://doi.org/10.1080/14639940600877937>

Submission date: 24.11.2025 г.

Acceptance date: 03.12.2025.